

Интервью номера Евгений Кисин: «Любой гений остаётся человеком»

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

— 30 марта в Париже вы играете Шопена, Стравинского и Метнера. Чем объясняется такой выбор?

— Никакой особой причины выбора той или иной программы у меня не существует. Просто я выбираю из тех произведений, которые люблю, а таковых много. Фортепьянный репертуар очень велик, а вкусы у меня весьма широки.

— Но именно с Шопеном связано начало вашей карьеры...

— Конечно, Шопен всегда занимал центральное место в моем репертуаре. Его я играл больше, чем других композиторов. Всегда он был близок, и мне, согласно мнению знающих и понимающих людей, он всегда удавался.

— Случается ли у вас, что любовь к тому или иному сочинению не совпадает с возможностью его выразить так, как вам бы хотелось?

— Я с детства очень любил музыку Бетховена. Мне всегда казалось, что она мне очень близка. Тем не менее исполнить ее на адекватном уровне мне всегда было сложно.

— Конечно, люблю. Дело не в том, далеко или не далеко от классики. Я люблю фольклор и считаю, что среди джазовых исполнителей есть свои гении.

— Вы сами иногда импровизируете на джазовые темы?

— Нет, я не умею. Джазовая импровизация представляет собой нечто принципиально иное, чем импровизация — скажем так — классическая. Тут нужен особый талант, совершенно особое умение, которыми я не обладаю. Я могу играть джаз по нотам или по слуху — например, «Регтайм» Джоппина, что иногда и делаю в дружеской компании. Кстати, я по слуху выучил пьесу Гершвина, которая называется Kicking the clouds — «Разгоняя облака». Выучил я ее в записи самого Гершвина. Играю друзьям и два раза исполнил в концертах как последний бис. Несколько месяцев назад после моего концерта в Иокотаме это был последний бис. Это было последнее выступление во время моих гастролей в Японии в декабре прошлого года.

— Почему же они легче?

— Потому что мы не все время играем. Исполнение фортепьянных оркестров лежит не только на нас, но и на дирижерах, и на оркестрах. Меня несколько утешает тот факт, что даже такой гигант, как Рихтер, — гигант, с одной стороны, и бетховенский, с другой, — даже он пришел к сонатам Бетховена довольно поздно, не в начале своей деятельности. Конечно, как писал Козьма Прутков, «плюнь в глаза тому, кто скажет, что может объять необъятное», но хочется всего или, во всяком случае, как можно больше. Так что я продолжаю работать и в этом направлении.

— Как и Моцарта, Шопена любил все. Но вы однажды заметили, что не все его сочинения гениальны. Звучит почти что кощунственно. Разве у гениев бывают неудачи?

— Конечно, бывают. Что касается Шопена, я имел в виду его юношеские произведения. В них еще — и это подтвердит любой музыкант — не проявил себя его гений. Честно говоря, я не могу припомнить ни одного гениального исполнителя, композитора, писателя или художника, у которого все творения были на одинаково высоком уровне. Любой гений остаётся человеком.

— Принято считать, что Стравинский совершил в музыке такую же революцию, как Пикассо в живописи...

— Это заявление довольно резкое. А я хотя и люблю живопись, но не являюсь специалистом в этой области. Я могу понять такую точку зрения — может быть, и можно с ней согласиться, но не решаюсь однозначно ответить «да».

— Есть ли у вас среди классиков нелюбимые композиторы, кого вы бы никогда не стали играть?

— Таких нет. Вообще-то я не могу сказать, что Стравинский принадлежит к числу наиболее близких мне композиторов, хотя он, конечно, гений, и многие его произведения я очень люблю. Полемизируя с Шёнбергом, утверждавшим, что музыка выражает все, что заложено в нас, Стравинский писал, что музыка вообще не способна выражать что-либо. Я не сравниваю — упаси Господь — себя со Стравинским, но у меня всегда было прямо противоположное отношение к музыке. Многие

Эксклюзивное интервью выдающегося пианиста «РК»

отмечают, что музыка самого Стравинского это высказывание опровергает. Тем не менее такое его отношение дает себя знать в его музыке. Однако же я выучил «Петрушку», играю эту вещь и буду много играть, хотя, конечно, вершин своего творчества Стравинский достиг не в своих фортепьянных произведениях, а в балетах. Сюита «Петрушка» не отражает всего балета. В ней всего три пьесы. Первая и последняя не отличаются особой содержательностью. Это просто яркий лубок, народные пляски и гулянья. Во второй же пьесе «Петрушки» есть определенное психологическое содержание.

— Вы упоминали лубок. Вы, по-моему, любите фольклорную музыку, к которой относитесь и джаз, далекий от классики...

— Конечно, люблю. Дело не в том, далеко или не далеко от классики. Я люблю фольклор и считаю, что среди джазовых исполнителей есть свои гении.

— Вы сами иногда импровизируете на джазовые темы?

— Нет, я не умею. Джазовая импровизация представляет собой нечто принципиально иное, чем импровизация — скажем так — классическая. Тут нужен особый талант, совершенно особое умение, которыми я не обладаю. Я могу играть джаз по нотам или по слуху — например, «Регтайм» Джоппина, что иногда и делаю в дружеской компании. Кстати, я по слуху выучил пьесу Гершвина, которая называется Kicking the clouds — «Разгоняя облака». Выучил я ее в записи самого Гершвина. Играю друзьям и два раза исполнил в концертах как последний бис. Несколько месяцев назад после моего концерта в Иокотаме это был последний бис. Это было последнее выступление во время моих гастролей в Японии в декабре прошлого года.

— Почему же они легче?

— Потому что мы не все время играем. Исполнение фортепьянных оркестров лежит не только на нас, но и на дирижерах, и на оркестрах. Меня несколько утешает тот факт, что даже такой гигант, как Рихтер, — гигант, с одной стороны, и бетховенский, с другой, — даже он пришел к сонатам Бетховена довольно поздно, не в начале своей деятельности. Конечно, как писал Козьма Прутков, «плюнь в глаза тому, кто скажет, что может объять необъятное», но хочется всего или, во всяком случае, как можно больше. Так что я продолжаю работать и в этом направлении.

— Как и Моцарта, Шопена любил все. Но вы однажды заметили, что не все его сочинения гениальны. Звучит почти что кощунственно. Разве у гениев бывают неудачи?

— Конечно, бывают. Что касается Шопена, я имел в виду его юношеские произведения. В них еще — и это подтвердит любой музыкант — не проявил себя его гений. Честно говоря, я не могу припомнить ни одного гениального исполнителя, композитора, писателя или художника, у которого все творения были на одинаково высоком уровне. Любой гений остаётся человеком.

— Принято считать, что Стравинский совершил в музыке такую же революцию, как Пикассо в живописи...

— Это заявление довольно резкое. А я хотя и люблю живопись, но не являюсь специалистом в этой области. Я могу понять такую точку зрения — может быть, и можно с ней согласиться, но не решаюсь однозначно ответить «да».

— Есть ли у вас среди классиков нелюбимые композиторы, кого вы бы никогда не стали играть?

— Таких нет. Вообще-то я не могу сказать, что Стравинский принадлежит к числу наиболее близких мне композиторов, хотя он, конечно, гений, и многие его произведения я очень люблю. Полемизируя с Шёнбергом, утверждавшим, что музыка выражает все, что заложено в нас, Стравинский писал, что музыка вообще не способна выражать что-либо. Я не сравниваю — упаси Господь — себя со Стравинским, но у меня всегда было прямо противоположное отношение к музыке. Многие

— И на гитаре вы играете?

— К сожалению, нет. Хотел бы научиться, но все не соображу.

— В детстве ваш педагог Анна Павловна Кантор, которая с вами работает и поныне, вас бранила за лень. Вам удалось от лени избавиться?

— Сегодня у меня нет другого выхода. Я думаю, что когда у человека есть что-то в натуре, то оно остается. Такой музыкант, как Александр Борисович Гольденвейзер, уже в старости говорил: «Я всю жизнь борюсь со своей ленью». Я не могу себе этого позволить — тоже постоянно с ней борюсь. Мне ничего другого не остается.

— В репертуаре Рихтера было 903 сочинения. Сколько сегодня в вашем?

— Я не подсчитывал. Было бы глупо стремиться превзойти Рихтера. Можно и нужно стремиться к уровню Рихтера или кого-нибудь другого, хотя опять же было бы и глупостью, и нахальством со стороны любого рассчитывать на достижение такого уровня. Что же касается количества исполняемых произведений, музыка все-таки не спорт.

— Но вам ведь хочется играть как можно больше...

— Мне хочется, потому что я многое люблю, но я не стремлюсь достичь каких-либо цифр. Я очень люблю играть, но выступаю не так много — даю 45–50 концертов в год, потому что на каждом очень сильно выкладываюсь. С одной стороны, мне хочется много играть, с другой — я не могу. Я несколько раз пробовал давать сольные концерты с перерывом в один день и увидел, что это не для меня. Одного дня мне недостаточно, чтобы — скажем так — вновь наполниться. Дело тут не в физической нагрузке, а в эмоциональной.

— Должен ли исполнитель «служить» композитору или не менее важна его собственная интерпретация, его «я»?

— Очень хорошо об этом написал великий дирижер Бруно Вальтер: «Исполнитель, безусловно, должен служить композитору. Что касается индивидуальности исполнителя, то если она есть, она сама естественно проявляется. Потому что передать всю пламенность, прелесть, грусть творения композитора, можно только используя свою собственную пламенность, прелесть, грусть при наивысшем на-

пряжении всех собственных способностей». И не случайно все выдающиеся интерпретаторы играют одни и те же произведения по-разному не потому, что они специально пытаются придумать что-то свое. У каждого своя индивидуальность, и не нужно специально пытаться ее показать. И это прекрасно в музыке, ибо дает так много возможностей для самых разных интерпретаций. Великие композиторы и сами допускали возможность различных интерпретаций своих произведений. Рахманинов очень ценил исполнение Валтером Гизекингом своего 2-го концерта, которое весьма отличалось от его собственного.

— Вы перечислили большой маршрут ваших будущих концертов, в котором нет Москвы. Когда вы снова собираетесь приехать в столицу?

— В этом году, к сожалению, у меня времени не будет. Но, к счастью, в Москве пока не нужно планировать, как на Западе.

— То есть можно прибыть экспромтом?

— Экспромтом не экспромтом, но, во всяком случае, планируя не за два года, а за несколько месяцев, что я, собственно, всегда и делал. Например, последнее мое появление в Москве было в середине декабря прошлого года. Я решил выступить летом. Пока планов нет, но как только будет возможность, приеду. Кстати, меня очень обрадовало в последний приезд то, что в Большом зале Консерватории были впервые очень хорошие репетиции. Их, насколько я знаю, привлекли к конкурсу Чайковского в позапрошлом году. Надеюсь, что они еще долго послужат тем, кто будет выступать.

— По Москве вы гуляете только в сопровождении охраны.

— Это может быть только Москва. При всем при том, что я там давно не живу и, опять же, без охраны не хожу. Но мой город — это тот, где я родился, вырос и провел первые 20 лет своей жизни. В Лондоне или в Нью-Йорке я могу чувствовать себя комфортно, но, конечно, это не мое и уж точно «не как дома». В Нью-Йорке я хорошо себя чувствую, а в Лондоне я всегда восхищался, но откровенно говоря, я начал не так давно. Почему-то я очень комфортно чувствую себя в Амстердаме, к которому у меня особые чувства.

— Почему классическая музыка не овладела широкими массами и остается сугубо элитным искусством?

— Ее все-таки сложнее воспринять для большинства людей, чем поп- или рок-музыку. С одной стороны, классическая музыка идет

то в Бразилии необходима охрана.

— В каком городе вы чувствуете себя наиболее комфортно — как дома?

— Это может быть только Москва. При всем при том, что я там давно не живу и, опять же, без охраны не хожу. Но мой город — это тот, где я родился, вырос и провел первые 20 лет своей жизни. В Лондоне или в Нью-Йорке я могу чувствовать себя комфортно, но, конечно, это не мое и уж точно «не как дома». В Нью-Йорке я хорошо себя чувствую, а в Лондоне я всегда восхищался, но откровенно говоря, я начал не так давно. Почему-то я очень комфортно чувствую себя в Амстердаме, к которому у меня особые чувства.

— Почему классическая музыка не овладела широкими массами и остается сугубо элитным искусством?

— Ее все-таки сложнее воспринять для большинства людей, чем поп- или рок-музыку. С одной стороны, классическая музыка идет

непосредственно от сердца к сердцу, но, с другой стороны, чтобы ее воспринимать, необходим определенный духовный и душевный уровень, необходима какая-то человеческая тонкость. То, о чем я сейчас скажу, это из области фантастики. Есть у меня знакомый, который был сослуживцем моей матери, которая в одной из районных музыкальных школ преподавала фортепьяно, а он — скрипку. Зовут его Илья Якубович. Он также занимался литературой и написал в 90-е годы, по-моему, замечательное произведение под названием «Голмак» с подзаголовком «Мавзолей Филиппа Семеновича» и посвятил его мне. События происходят не сейчас, а через несколько десятков лет после нашего времени. У какого-то человека обнаруживается способность воспроизводить музыку — любые произведения, даже оркестровые — путем концентрации и проигрывания у себя в голове. Благодаря этой своей уникаль-

ной способности он приобретает к классической музыке самые широкие массы. В произведении есть сцена, когда рабочие сидят в столовой и рассуждают о музыке. И кто-то говорит: «Брамс — наверное, хороший композитор». Это почему-то оказывается неутолченной властью, и они каким-то образом лишают этого человека его уникального дара. Поскольку к тому времени уже изобрели эликсир жизни, все могут жить очень долго — если не вечно. Филипп Семенович обречен быть лишенным своего дара, и поэтому он становится «мавзолеем Филиппа Семеновича». Я это говорю к тому, что подобный дар мог бы приобрести к классической музыке самые широкие массы. Возможно ли это на самом деле, я не знаю, и никто не знает.

— Как избежать того, чтобы концертная деятельность из творческого процесса не превратилась в рутину?

— Некоторые выдающиеся музыканты играли и играли концерты каждый день, и я не думаю, что для них это было или является рутинной. Например, так делает Ростропович. Так делает Аппензи, и когда я его об этом спросил, он ответил — «я люблю так». Такие периоды бывали у Артура Рубинштейна. В этом я им завидую — играть я люблю, но часто не могу. Как избежать рутины — зависит от самого человека. Лет 10 назад у меня был период, когда самому мне казалось, что есть такая опасность. Помню, однажды вышел я на сцену, особого вдохновения не чувствовал, стал играть. По мере того как концерт продолжался, я все более и более увлекался. Потом я уже был на седьмом небе. Какой контраст между началом и концом концерта! И кончилось тем, что публика заставила меня играть 13 бисов, и концерт закончился в половине первого ночи, когда запротестовали пожарные театра, в котором я выступал. Было это в Больном. В последние годы таких ощущений рутины никогда не бывало. Наверное, потому, что чем больше я занимаюсь игрой на фортепьяно, тем больше осознаю, как это трудно, тем больше я от себя требую, тем больше волнуюсь перед концертами. Некоторым это кажется странным. Они думают, что чем опытнее музыкант, тем меньше вроде бы у него причин для волнений. На самом деле это совсем не так. Даже такой колосс, как Давид Ойстрах, всегда очень волно-

вался перед выступлениями. Кто-то мне рассказывал, что Ойстрах говорил про Большой зал Московской консерватории «чтоб он сгорел» — именно потому, что выступления в этом зале причиняли ему столько волнений...

— Вы знаете, что будете делать в ближайшие два года? Но разве не должно быть в жизни, как в искусстве, места для импровизации? Не возникает ли у вас желания все пересчитать и укатить в неизвестные края?

— У меня гастроли всегда перемежаются с перерывами. В апреле у меня вообще не будет концертов — как и в августе, и в сентябре. Понятно, что такие перерывы я использую не только для отдыха, но прежде всего для работы. Желание все пересчитать? Знаете, оно в прошлом много возникало. Даже не столько желание, сколько досада, что приходится планировать свою жизнь на два года вперед, и никуда от этого не деться. Но я всегда понимал, что всем нам хочется того, что мы не имеем. Другое, наоборот, нам завидуют. В западном процветающем обществе многие люди, у которых есть средства к существованию, долгое время не могут решить, чем же они хотят заниматься в жизни. В Германии есть много относительно молодых людей — моего возраста и даже старше — которые не хотят учиться в течение десятков лет, а они никак не могут выбрать, чему посвящать свою жизнь...

— Они, с вашей точки зрения, люди несчастные?

— Безусловно. Есть и такие люди, которые нам завидуют именно потому, что не знают не только того, что с ними будет через два года, но даже чрез два месяца. Они это воспринимают, наоборот, как недостаток уверенности в завтрашнем дне. В общем, в последние годы у меня желания все бросить не возникало. Я люблю то, что делаю, и все еще есть и — надеюсь, всегда будет — чего ожидать, к чему стремиться. В будущем году бетховенский цикл. Опять же фортепьянный репертуар очень велик.

— Стало быть, вы ощущаете себя человеком счастливым?

— Я не могу так однозначно ответить на этот вопрос. Я бы сказал — везучим. Пока что мне везло во всем. Счастливым? Не знаю. Кажется, это Кафка сказал, что полностью счастливым может быть только идиот.

НАУЛИШ ПОТРЕБА